

К ЮБИЛЕЮ

М. П. ЛАПТЕВА

ЛИЧНОСТЬ И ИДЕИ Т. Н. ГРАНОВСКОГО В ВОСПРИЯТИИ ИСТОРИКОВ РАЗНЫХ ПОКОЛЕНИЙ

В статье рассматривается эволюция восприятия личности и взглядов выдающегося русского историка Т.Н. Грановского представителями разных поколений одной научной школы. Автор исследует проблему социокультурных влияний на историографические оценки.

Ключевые слова: *исторические взгляды, личность историка, поколения научной школы, эволюция восприятий.*

Каждое поколение приступает
к истории со своими вопросами.
Т.Н.Грановский

В 2013 г. исполнилось 200 лет со дня рождения выдающегося русского историка – Т.Н. Грановского. Красивая и внушительная юбилейная дата вдохновляет на размышления, связанные с важнейшей для историка проблемой – проблемой времени. Не менее важно и интересно найти доказательства неюбилейного внимания к личности и историческому творчеству Грановского. Его наследие зачастую актуализируется в переломные периоды жизни российского общества и в критические периоды развития исторического знания. За время, прошедшее с тех давних пор, когда Т.Н. Грановский стал влиять на умы вначале его современников – студентов, коллег, слушателей его публичных лекций, а затем и многочисленных читателей его книг, статей и рецензий разных поколений и эпох, не могли не измениться оттенки этого влияния. Неизбежно менялись даже стереотипы этого духовного процесса.

Размышляя о динамике этих изменений, я полагаю возможным опереться на мнение Л.П. Репиной, убедительно высказанное в ее капитальной монографии: она считает весьма важной проблему «перехода от индивидуальной памяти к коллективной»¹ и в этой связи затрагивает проблему поколений. Если рассматривать такой аспект проблемы как преемственность знания вообще и исторического знания в частности, то необходимо обратить внимание на изучение изменений, происходящих

---

¹ Репина. С. 426.

в функционировании научных школ и направлений. На конференциях Общества интеллектуальной истории довольно часто обсуждается проблематика изучения научных школ, особенно их роли для гуманитарного знания. В том числе специально обсуждался и вопрос о диалоге поколений внутри школы как способе научной коммуникации². В работах Г.П. Мягкова неоднократно подчеркивалось огромное значение коммуникативных характеристик, психологии общения внутри научной школы и других подобных феноменов для ее судьбы и эволюции³.

Смею заметить, что в число «других подобных феноменов» вполне может войти не только то, что объединяет представителей той или иной научной школы, но и то, что их различает. На мой взгляд, именно различия и свидетельствуют о процессе развития научной школы. Попробую продемонстрировать этот феномен на частном примере изменения отношения к идеям и личности Т.Н. Грановского у представителей трех поколений историков Пермского университета. Определенную роль при выборе такой темы сыграли историки Омского университета В.П. Корзун и Д.М. Колеватов, предложив интересный термин – «инстинкт профессии»⁴. Этим понятием они объяснили непреходящий интерес к творцам исторического знания, подчеркнув при этом разницу в интересах поколенческих групп.

Основатель пермской научной школы Л.Е. Кертман стал скрупулезно изучать творчество Грановского, когда не имел еще никакого отношения к городу Перми и его университету. В 1942 г., после ранения, еще на костылях, выпускник исторического факультета Киевского университета встретился в Казани с академиком Е.В. Тарле. Вместо обычных 15-ти минут, отводимых для консультации академиком, они «проговорили два часа, учитель обрел ученика, ученик – учителя»⁵. Кандидатскую диссертацию с анализом исторических взглядов Грановского Кертман защитил через полтора года после первого разговора со своим научным руководителем – Тарле, предложившим эту тему. Тема оказалась на редкость удачной. Изучение исторических взглядов Грановского позволило молодому автору войти в необозримый мир классических исторических идей XIX столетия, заслужившего славу «века истории». Изучая эволюцию исторических взглядов Грановского, Кертман поставил задачу определения его места в истории русского общественного движения.

---

²См.: *Чиглицев*. 2002. С. 55–57; *Лантева*. 2002. С. 53–55.

³*Мягков*. 2000.

⁴*Корзун, Колеватов*. 2012. С. 273.

⁵*Гашева*. 1991. С. 11.

Трудно переоценить важность изучения материалов Грановского для выработки собственной позиции Кертмана в той области знания, которая и поныне именуется «всеобщей историей». Ведь Грановский считал, что «всеобщая история должна иметь предметом развитие духа рода человеческого»⁶. Комментируя эту мысль, Л.П. Репина подчеркивала, что речь шла о духовной биографии человечества⁷. Размышления о духовных ценностях были свойственны и Кертману, нисколько не мешая общей материалистической позиции ученого. «Уроки Грановского» были неоценимы в том, что касалось понимания сущности предмета всеобщей истории. И сам Кертман, и мы, его ученики, склонны воспринимать всеобщность истории как постоянно эволюционирующий итог развития исторической мысли.

При всей несхожести личностных характеристик и жизненных судеб Грановского, Тарле и Кертмана их объединяют два очень важных качества, которые, по всей вероятности, могут быть названы определяющими в профессиональной идентификации историка – это глубокая эрудиция и блестящие способности к формулированию новых идей, иначе говоря, эвристический талант. Кертману были близки не только взгляды Грановского на историю, но и сама личность Тимофея Николаевича: оба были блестящими лекторами, кумирами молодежи, властителями умов. Конечно, у Кертмана эти достоинства обнаружили позднее: не тогда, когда он писал кандидатскую диссертацию о Грановском, а когда стал преподавателем вначале Киевского, а после обвинений в космополитизме – Пермского классического университета.

Подобно Грановскому, Кертман думал историей, учился историей, опирался на исторические факты в своих публичных лекциях. Подобно Грановскому, Кертман был убежден в полезности исторического знания для общества, в возможности нравственного воздействия истории на современников. Он справедливо полагал, что невозможно понять роль Грановского как общественного деятеля вне связи с его творчеством в качестве историка. Изучив эволюцию исторических взглядов Грановского, Кертман особо подчеркивал то, как Грановский влиял на выработку научного мышления своих слушателей, которые позднее создавали свои труды на базе новых методов исследования и новых идей, воспринятых от Грановского.

На публичные лекции Кертмана в Перми приходили люди разных профессий и специальностей. Конечно, это не была «вся Москва», как,

---

⁶ Грановский. 1987. С. 313.

⁷ Репина. 2006. С. 17.

слегка преувеличивая, вспоминали те, кто слушал лекции Грановского, но то, что профессор Кертман стал очень известной личностью (и не только в Перми!), несомненно.

Время наложило отпечаток на отношение Кертмана к Грановскому. Я имею в виду даже не ситуацию войны, а то идеологическое давление на историков, которое существовало при советской власти. Чтобы обеспечить так называемую «проходимость темы, ни в коем случае нельзя было делать упор на либеральности взглядов Грановского. В диссертации Кертмана Грановский предстал не столько либеральным мыслителем (увы, само слово «либеральный» снова стало чуть ли не ругательным в России начала XXI века!), сколько революционером-демократом. Ссылаясь на мемуары Б.Н.Чичерина, Кертман писал, что Грановский сочувствовал даже «первым проявлениям социализма»⁸. Тем более важным для Кертмана было отметить, что политическая борьба (хотя и преимущественно парламентская), наряду с просвещением была для Грановского высшей формой борьбы за идеалы демократии.

Делая упор на общественной деятельности Грановского, Кертман следовал своему учителю – Тарле, который (будучи сам либералом) не стал ортодоксальным марксистом, но понимал, что без определенного «камуфляжа» цензурные органы не пропустят публикации «сомнительных» (с советской точки зрения) исследований, поэтому обучил Льва Ефимовича некоторым навыкам, необходимым для издания исторических работ сталинского периода.

Полученные от Тарле уроки с успехом передавались позже ученикам Кертмана и автору данных строк в том числе. Камуфляж хрущевского и брежневского времени, конечно, отличался от сталинской эпохи, но какие-то сущностные вещи оставались прежними. А разве эпоха Николая I, в которую жил Грановский, не ставила подобных же задач ему и его современникам?

Однако при всем камуфляже и массе подтекстов текст диссертации Кертмана о Грановском совершенно не похож на распространенные в Советском Союзе 1930–40-х гг. ремесленные поделки, точнее подделки под настоящую науку. Искренность автора подкреплена множеством фактов и аргументов. «В блестящем московском профессоре Т.Н. Грановском Л.Е. Кертман видел прогрессивного мыслителя, не укладывавшегося в образ умеренного либерала с монархическим оттенком, каким он предстал в соответствии со сложившейся историографической

---

⁸ Чичерин. 1929. С. 44.

традицией»⁹. Кертман полагал, что «Грановский был очень осторожен и умел говорить лишь в допускаемых цензурой пределах»¹⁰.

Будучи ученицей Кертмана и во многом разделяя его взгляды и убеждения, его отношение к жизни, я все-таки принадлежу к другому поколению и имею возможность (пока еще?) бесцензурных высказываний. Мое отношение к Грановскому и мое осмысление его творчества складывалось в ином дисциплинарном контексте. Я не писала диссертаций о Грановском. Он заинтересовал меня только при подготовке лекционного курса о развитии методологии истории. Не будучи профессором и не имея достаточного опыта для формулирования собственных методологических идей (как это делал Л.Е. Кертман, начавший читать курс по методологии истории еще в 1960-годы), я включила в похожий курс основательный раздел по истории методологической мысли, и размышления Т.Н. Грановского также естественным образом в него вошли.

Понимая, что известность того или иного ученого не всегда прямо пропорциональна его реальному вкладу в общую сокровищницу духовного наследия человечества, я задавалась вопросом – чем больше всего определяется значимость идей исторического мыслителя – его влиянием на современников или на далеких потомков? Какая линия влияния более значима? Чем и как это можно измерить?

Мне важно было показать студентам неординарность и сложность методологических предпочтений Грановского. Методологически он был близок и к Гегелю, и к Ранке. Но как совмещались эти противоречивые подходы? Были ли они разделены временем (то, что называется «ранний Грановский» – «поздний Грановский»)? Или же влияние Гегеля и Ранке ощущается при сравнении восприятия Грановским разномасштабных процессов и явлений? Иначе говоря, на философском уровне размышлений у него, скорее, могли присутствовать гегелевские идеи (так, историю отдельных народов он рассматривал как «моменты» проявления абсолютного начала), а на конкретно-историческом – ранкеанские? Поставив для себя такие вопросы, я далеко не сразу смогла найти ответы на них.

Специалисты, изучавшие эпистолярное наследие Грановского, в какой-то степени помогли мне: так некоторые из них отметили, что он не разделял сомнения Гегеля по поводу уроков истории, в то время, как идея Л. Ранке о большой значимости воспитательной роли истории Грановскому была гораздо ближе¹¹. Мне также казалось важным отме-

---

⁹ Рахмиров. 1991. С. 51.

¹⁰ Кертман. 1947. С.114.

¹¹ Корева. 2006. С. 135.

тить, что «Грановский не возводил в абсолют тезис Ранке об объективности историка: он признавал неизбежную долю субъективности в подходе историка к прошлому, обусловленную личными пристрастиями и временем, в которое он живет»¹².

Нравственное и умственное образование было, по его мнению, немислимо без понимания теоретических уроков истории¹³. Возможно, что именно это убеждение Грановского было для меня наиболее важным при разработке лекционного курса по методологии истории. После почти двух десятилетий чтения этого курса мне было предложено издать тексты этих лекций. В той части, которая посвящена российской методологии истории, идеи Грановского представлены более всего в теоретическом аспекте. Мне казалось интересным показать, что «Грановский учил теоретическому осмыслению истории» и именно потому «дал краткий очерк попыток – начиная с Геродота – отыскать единый принцип исторического развития человечества»¹⁴.

Я по-прежнему считаю большим достижением Грановского его попытки систематизации исторического материала. Его лекции отличали широта концепции, насыщенность историческим и историографическим материалом, внимание к социальной стороне исторического процесса, яркий, образный язык. Вводная лекция по истории средних веков, прочитанная им в сентябре 1848 года, несла на себе печать размышлений о европейских революциях, ключ к пониманию которых Грановский искал в истории. Не случайно слушатели его лекций называли Грановского «Пушкиным русской истории».

А завидовавший Грановскому Погодин зло, но метко записал в дневнике: «Это не профессор, а немецкий студент, начитавшийся французских газет». Злословие Погодина имело реальную основу: такому методу чтения лекций Грановский научился в Германии у профессора Э. Ганса, приходившего на занятия со студентами не со старинным фолиантом в руке, а с последним номером парижского или лондонского журнала. Кстати, и публичные лекции Грановского имели прототипом публичные лекции Э. Ганса в Берлине¹⁵.

Я полагала, что при издании лекционного курса по теории и методологии истории очень важно показать отношение Грановского к тем

---

¹² Лаптева. 2006. С. 81.

¹³ Грановский. 2006. С. 139.

¹⁴ Лаптева. 2006. С. 80.

¹⁵ Этой информацией я обязана С.Л. Жидковой, старшему научному сотруднику музея И.С. Тургенева в Орле.

методам, при помощи которых осуществлялось исследование исторического материала в его время. Грановский был убежден в том, что применение историко-географических, антропологических, сравнительно-исторических и статистических методов позволит сделать историю понастоящему точной наукой. Его глубоко огорчал недостаток точных методов в работе историков, именно поэтому он считал необходимым обращение к методам естествознания.

Незаурядность Грановского не давала ему возможности замкнуться в узких рамках конкретной, фактологической истории. Его интересовала проблема сущности и предмета исторической науки, ее места среди других наук, ее «полезности» для человечества. Грановский рассматривал историю «не как отрезанное от нас прошедшее, но как цельный организм жизни, в котором прошлое, настоящее и будущее находятся в постоянном между собой взаимодействии». Практическое значение истории он видел в том, что она помогает «угадывать под оболочкой современных событий аналогию с прошлым и постигать смысл современных явлений, только через историю мы можем понять свое место в человечестве, она удерживает нас от отчаяния и позволяет ценить достоинство человека»¹⁶.

И конечно, работая на кафедре всеобщей истории, я особенно близко принимала суждения Грановского по поводу того, чем собственно является всеобщая история, чем она отличается от всемирной истории и от истории культуры. Он считал историю культуры «сухой», а всемирную историю «фактологической». Всеобщая же история была для него высшей формой исторического знания, своеобразным итогом развития исторической мысли. Возможно, именно поэтому представители нескольких поколений отечественных ученых совершенно разных специальностей воспитывались на лекциях и статьях Грановского. Не случайно В.О. Ключевский когда-то заметил, что «все мы» (т.е. историки – *М.Л.*) в той или иной степени ученики Т.Н. Грановского.

В иных условиях и с иными целями к творчеству Грановского обратился доцент кафедры российской истории Пермского университета К.И. Шнейдер, включивший Грановского в персональный состав «раннего либерального семейства». Еще в студенчестве Шнейдер достаточно близко познакомился с присущими Кертману особенностями исследовательской деятельности, поэтому я причисляю его к тем, кто продолжает некоторые традиции научной школы, основанной Кертманом.

---

¹⁶ Грановский. 1987. С. 313.

Так же, как когда-то у Кертмана, интерес Шнейдера к Грановскому был связан с диссертационной ситуацией, однако это уже был этап написания докторской работы, посвященной проблематике раннего русского либерализма. Шнейдер включил этот феномен в контекст интеллектуальной истории, в результате чего либеральные взгляды Грановского рассмотрены им в гораздо более широком интеллектуальном пространстве, включающем как философские, так и собственно исторические аспекты наследия Грановского. Шнейдер всячески подчеркивал, какое богатое теоретическое наследие оставил Грановский¹⁷.

Грановский для Шнейдера – «ключевой персонаж в истории русского западничества»¹⁸. По словам одного из рецензентов книги Шнейдера, он сделал «попытку обнаружить не только особенные, но и схожие черты русского либерализма с другими версиями континентально-европейской традиции»¹⁹.

Опираясь на труды европейских и американских авторов, изучавших теоретическое наследие русских либералов, Шнейдер поставил ряд проблем с современным звучанием, в частности, проблему разнообразия исторических форм либерализма, проблему его ценностных идеалов и многое другое. В числе других работ он привлек и работу П. Рузвельт, посвященную творчеству Грановского. Шнейдер подчеркнул, что Грановский «пел гимн личности»²⁰ и «исповедовал веру в креативные способности индивида»²¹. В условиях, когда современная историческая наука все более приобретает антропологический, гуманистический характер, Шнейдеру было важно показать, насколько уже «Грановский утверждал право индивида на самостоятельную и даже определяющую роль в историческом развитии»²².

Кертман, писавший свою диссертацию в годы мировой войны, не мог акцентировать тот непреложный факт, что Германия была для Грановского территорией интеллектуального роста. Для Шнейдера (диссертация которого завершена на 70 лет позже) очевиден не только этот факт, но и то, что Грановскому «было непросто адаптироваться в немецкой социокультурной среде»²³.

---

¹⁷ Шнейдер. 2012. С. 44.

¹⁸ Шнейдер. 2009. С. 245.

¹⁹ Николаева. 2013.

²⁰ Шнейдер. 2010. С. 125.

²¹ Шнейдер. 2011. С. 63.

²² Там же. С. 52.

²³ Там же. С. 84.

Кертман изучал творчество Грановского в условиях назревавшей в Советском Союзе борьбы с космополитизмом и вряд ли мог бы без последствий восхищаться тем, как «движения европейской жизни находят отголоски» даже в николаевской России. Шнейдеру, в отличие от Кертмана, не нужно было опасаться лишней раз подчеркнуть монархические убеждения Грановского, считавшего, что «Монархическое начало лежит в основании всех великих явлений русской истории»²⁴ и очарованного личностью первого российского императора²⁵.

Если попытаться подвести некоторый итог проведенного сравнения, то в кратком, лаконичном виде получается следующее: для Кертмана Грановский, прежде всего, идеолог и общественный деятель. Через призму этих приоритетов он рассмотрел его исторические взгляды. Для меня наиболее важными были теоретические и методологические взгляды Грановского, осмысление его вклада в эти сферы. Для Шнейдера Грановский – либеральный мыслитель, один из тех, кто формулировал национально адаптированную либеральную доктрину.

Сравнение поколенческих восприятий представляется мне одной из возможных иллюстраций механизма познания, идущего не только в разных социальных условиях, но и в разных культурных контекстах, в результате чего историческая наука, по словам Л.П. Репиной, выступает как форма преобразования культурной памяти²⁶.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Гашева Н.Н.* Попытка биографии // Мир личности. Творческий портрет профессора Л.Е. Кертмана. Пермское книжное издательство. 1991. С. 3–42.
- Грановский Т.Н.* и его переписка. М., 1897. Т. 2.
- Грановский Т.Н.* Лекции по истории средневековья. М., 1987.
- Грановский Т.Н.* О современном состоянии и значении всеобщей истории // Тимофей Николаевич Грановский: идея всеобщей истории. М., 2006. С. 139–161.
- Грановский Т.Н.* Полное собрание сочинений. СПб., 1905. Т. 2.
- Кертман Л.Е.* Эволюция исторических взглядов Т.Н. Грановского // Киевский государственный университет. Ученые записки. 1947. Т. VI. Вып. 1.
- Корева Н.С.* Т.Н. Грановский в Берлине (по материалам эпистолярного наследия) // Тимофей Николаевич Грановский: идея всеобщей истории / Отв. ред. Л.П. Репина. М., 2006. С. 118–137.
- Корзун В.П., Колеватов Д.М.* Бои за В.О. Ключевского в советской историографии как способ самоидентификации исторического сообщества // Историческое познание и историографическая ситуация на рубеже XX–XXI вв. / Отв. ред. О.В. Воробьева, З.А. Чеканцева. М.: ИВИ РАН, 2012. С. 257–273.

²⁴ *Грановский.* 1905. Т.2. С. 358.

²⁵ Грановский к Фроловым. Москва, январь 1855 г. // Т.Н. Грановский и его переписка. Т. 2. С. 437.

²⁶ *Репина.* 2013. С. 197.

- Лаптева М.П.* Понимаем ли мы своего учителя? // Наука и власть: научные школы и профессиональные сообщества в историческом измерении. Материалы научной конференции. М., 2002. С. 53–55.
- Лаптева М.П.* Теория и методология истории. Пермь, 2006. 254 с.
- Мяков Г.П.* Научное сообщество в исторической науке. Изд-во Казанского университета. 2000. 298 с.
- Николаева И.Ю.* Рец. на кн.: К.И. Шнейдер. Между свободой и самодержавием // Диалог со временем. 2013. Вып. 43. С. 365–367.
- Рахмисир П.Ю.* Постоянство и многообразие творчества // Мир личности. Творческий портрет профессора Л.Е. Кертмана. Пермское книжное издательство. 1991. С. 43–74.
- Репина Л.П.* Т.Н. Грановский и идея всеобщей истории: от классики к постмодерну // Тимофей Николаевич Грановский: идея всеобщей истории. М., 2006. С. 5–28.
- Репина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. М.: Круг, 2011. 560 с.
- Репина Л.П.* Память о прошлом в пространстве культуры // Диалог со временем. 2013. Вып. 43. С. 190–198.
- Чиглинцев Е.А.* «Античный понедельник»: диалог поколений как научная коммуникация // Наука и власть: научные школы и профессиональные сообщества в историческом измерении. Материалы научной конференции. М., 2002. С. 55–57.
- Чичерин Б.Н.* Москва сороковых годов. М., 1929.
- Шнейдер К.И.* Индивидуализм и собственность в мировоззрении ранних русских либералов // Диалог со временем. 2011. Вып. 35. С. 59–76.
- Шнейдер К.И.* Исторические взгляды ранних русских либералов // Диалог со временем. 2010. Вып. 32. С. 123–141.
- Шнейдер К.И.* Между свободой и самодержавием: история раннего русского либерализма. Пермь, 2012. 230 с.
- Шнейдер К.И.* Образы Запада и России в представлениях ранних русских либералов // Диалог со временем. 2009. Вып. 27. С. 245–262.
- Лаптева Мария Петровна*, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Пермского государственного исследовательского университета; modhist@yandex.ru.